

монастырских пашенных земель. Даже в вотчине Коневского монастыря в Кирьяжском погосте, где в запустении оказалось не более трети пашен, хозяйственная ситуация далека от благополучной (рис 1.6).

Приведя подобные цифры, остается лишь констатировать очевидное разорение: от 90 до 70 % крестьянских хозяйств в монастырской вотчине Валаама просто перестали существовать. Что могло случиться здесь за три—четыре года после описания Инши Булгакова?

Ответ содержат обыскные книги начала 1570-х гг. В монастырской вотчине в Сакульском погосте за пять лет, предшествовавших обыску Петра Сабурова, прибывшему сюда в 1573 г., запустело 63 обжи из 70 с половиной, отмеченных за монахами Иншей Булгаковым в 1568 г. Впусте оказались почти каждые девять дворов из десяти! Оставшиеся жители, отвечая на вопросы членов обыскной комиссии, объясняли происшедшее так: «Крестьяне вымерли, а иные безвестно разошлись», деревни запустели «от государева тягла и государских посох и от воинства государева», «от немецкие войны и государских посох», «от свийских немец и государевых податей».

Безусловно, крестьянское хозяйство в XVI веке никогда не было застраховано от упадка и разорения. По свидетельству обыскных книг Федора Калитина, в Сердовольском погосте в относительно благополучные времена конца 1530 — начала 1550-х гг. за пятнадцать лет запустело 12 луков. Их владельцы либо умерли, нередко даже от голода, либо «сошли безвестно», иногда бывшие соседи предположительно добавляли — «к морю кормитца», или — «сошли в нищету с семьями». Во второй половине 1560-х гг., когда чрезвычайные подати и поборы, безжалостно взыскивавшиеся с тяглого населения, ввергли всю территорию погоста в состояние голода, здесь запустело еще 11 луков, а если с хозяином крестьянского двора случалась беда, например, Лукьянка Васильева из деревни Котонсельги «медведь съел», Июдка Сазонов из деревни Осойлы «гонты секучи деревом убился», Федка Климков из деревни Ильялы «на реке утонул» — участь их семей была предрешена: «дети сошли безвестно», «дети под окны волочатца» — бесстрастно констатируют документы обыскных комиссий.

Но когда источники свидетельствуют, что за один только год 7079-й (1570/71) в монастырской вотчине этого погоста запустело 60 обож, то есть более 70 % от отмеченных здесь в конце 1660-х гг. оброчными книгами 82 луков, и фиксируют со слов оставшихся в деревнях немногочисленных жителей объяснения, в целом сводимые к фразе: «от государских податей и от гладу, и от посох частых, и от опишного правежа крестьяне примерли, а иные в нищете волочатца», то привычно-традиционные построения советской историографии, связывающие почти полное запустение Корельского уезда с иноземными вторжениями, имевшими место в конце XVI столетия, перестают быть достаточными.

То очевидное обстоятельство, что земельные комплексы принадлежавших новгородским светским и духовным феодалам земель оказались сконцентрированы не в Передней Кореле, где представителям автохтонной феодализировавшейся знати удалось сохранить основной земельный фонд за собой, а в Кореле Задней, где колонизация к XV веку еще далеко не завершилась и свободных земель было, без сомнения, множество, наводит на мысль, что Новгород не особенно теснил местных карельских землевладельцев, дорожа их лояльностью. Немало оставалось и территорий, не освоенных феодалами

в частную собственность. Это были земли так называемых чернокунцев, наличие которых является как раз особенностью Корельского уезда, а также «наместничьих из старины крестьян». Жившее на них население должно было содержать наместника и его свиту во время их приезда, чем, по-видимому, его повинности и ограничивались²⁶. Четкая фиксированность оброка — «дохода» собственников земель, а также их приказчиков — ключников* и посельских**, управлявших боярщинами, в значительной степени защищала от произвола и крестьян, уже попавших в феодальную зависимость. Как правило, разнообразные натуральные платежи включали долю урожая зерна (половину или треть), ценный мех диких животных (белок), мясо домашних животных (баранов), иногда сыр и масло домашнего крестьянского приготовления.

С переходом под власть Москвы хозяйственная ситуация в Корельском уезде начинает меняться. Кажущаяся формальной смена землевладельцев привела к большим переменам на житейском уровне. В первую очередь это коснулось отобранных у новгородских бояр и архиепископа земель: отныне оброк с них взимается только деньгами и хлебом (зерном) — рожью, овсом и ячменем. Все мелкие продуктовые поставки были переведены на новые платежи. Более того, предусматривалось, что в случае, если хлебный оброк в каком-то особенно неурожайном году не будет собран, следует брать его деньгами в определенной заранее стоимости: за коробью*** ржи по 10 денег^{4*}, овса — 5 денег, ячменя — 7 денег. Заметно возросла и доля платежей, предназначенная на содержание новой администрации — представителей великого князя на местах — волостеля, тиуна и доводчика^{5*}. Этот сбор, именовавшийся «кормом», составлял примерно пятую часть всех оброчных платежей.

Главное же, что изменилось, — это принцип взимания оброка. Раньше приказчик, живший в волости и управлявший ею по поручению новгородского боярина, будучи ответственным перед землевладельцем за процветание его вотчины, облагал податями деревни, а нередко и отдельные крестьянские хозяйства, строго индивидуально и, как правило, оброком вполне определенного размера. С одних, где занимались охотой, брали налог преимущественно ценным мехом — шкурками белок или куниц, с других, чье хозяйство было ориентировано на животноводство, — «свинными и говяжьими мясами» и маслом, в оброке третьих — земледельческих — преобладали хлебные поставки. Теперь размер подати устанавливался для всей волости в целом. Тяжесть налоговых

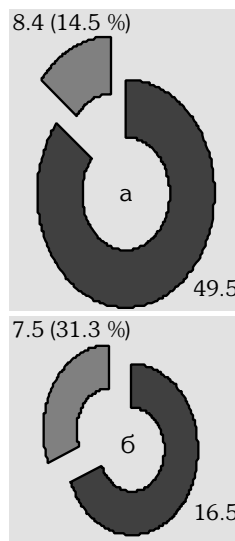

Рис. 1.6. Живущие и «впусе» в монастырских вотчинах Валаамского (а) и Коневского (б) монастырей в Кирияжском госте в 1570-х гг. (источник: Приложение, № 5)

* **Ключник** — слуга, управлявший хозяйством в отдельной вотчине или в городском доме господина, эконома.

** **Посельский** — управляющий в княжеской, боярской или монастырской вотчине XV—XVI вв.

*** **Коробья** — новгородская мера зерна или пахотной земли (по количеству высеянного зерна). До XVI века равнялась 2 четвертям, позднее вмещала 1 четверть. Коробья ржи в описываемое время весила 7 пудов, овса — 4.7 пуда, ячменя (жита) — 6 пудов, что соответствует: 114, 76.6 и около 100 кг.

^{4*} **Денга** — монета определенного достоинства в древней России. В XVI и XVII веках в рубле считалось две полтины, в копейке — две денги, в денге — две полушки. Денга могла именоваться «московкой» или «новгородкой» — по месту чеканки и хождения. Во второй половине XV века новгородская денга приравнивалась к двум московским денгам.

^{5*} **Волостель** — должностное лицо сельской феодальной администрации, управитель волости. **Тиун** — должностное

выплат, ложившаяся на тяглецов*, будет определяться отныне исходя из совсем иных критериев.

На землях монастырей, помещиков и своеземцев поначалу сохранялись старые порядки: взимался «доход», а не оброк. И по составу он точно такой же, как когда-то в пользу владельцев боярщин. Например, в поместье Остафьи Редрова в Ровдужском погосте с крестьян, чьи земельные наделы составляли в комплексе 27,5 обжи, кроме денежного взноса в 7 гривен** с полуденьгою, шел еще так называемый «мелкий доход»: 13 с половиной баранов, 2,5 полти*** мяса, 7 блюд масла, 5 сыров, 14 с половиной бочек пива, 30 яиц, полкоробьи солода, 20 пятков^{4*} и 4 с половиной горсти льна, да еще третья часть урожая хлеба. Кроме того, как и раньше, ключнику полагалось 6 денег, «три лопатки бораньи, три сыры, десять яиц, три пятки льну» и по 4 коробки ржи и овса²⁷.

Сравнение с новгородскими временами показывает, что оброчные платежи с переходом под власть Москвы увеличились. Так, в Сакульском погосте, в бывшей боярщине Марка Панфильева, отведенной после конфискации в поместье Ондрию Никитину сыну Пушкина, при небольшом сокращении количества обеж (с семи до шести с половиной) оброк уже к 1500 г. заметно возрос: на пять гривен, одного барана, два блюда масла, полбочки пива, не считая увеличившихся поставок зерна²⁸.

Спустя несколько десятилетий ситуация ухудшится настолько, что — в том виде, как она отразилась в наших источниках — приобретет драматическую окрашенность. Некогда процветавший край окажется ввергнут в почти сплошное запустение. Видный русский историк Д. Я. Самоквасов не сомневался, что к столь плачевному экономическому состоянию Корельский уезд привела реформа местного самоуправления 1550-х гг.²⁹

Согласно рассылавшимся в регионы однотипным земским уставным грамотам Ивана IV правительственных чиновников должны были сменить выборные лица — «излюбленные головы»³⁰. Все денежные и натуральные доходы упраздняемых наместников, волостелей и их помощников пересчитывались в денежный оброк, который этим выборным — «лучшим людям», как именуют их наши источники, — ежегодно следовало собирать и лично доставлять в Москву к определенному сроку. Предполагалось, что они за свой труд на поприще административного управления и суда никакого штатного вознаграждения получать не должны. В то же время брать посулы^{5*} им было запрещено под страхом смертной казни. Понятно, что запрет этот звучал по меньшей мере лицемерно: выборные лица получили практически бесконтрольную местную административную и судебную власть, а также права раскладки и сбора податей.

Вначале казалось, что цель достигнута: государственная казна пополняется как никогда. Это позволило Ивану Грозному активизировать внешнюю политику и придать блеск своему двору. Но довольно скоро обнаружилось, что денежные поступления с мест все более и более оскудевают.

Объясняя сбой в поступлении налогов хищениями и изменами бояр, царь предавал жестоким правителям^{6*} обедневшие города и уезды, что только ухудшало положение, и наконец, в 1565 г. на дворцовых (домениальных) землях учредил опричнину, не переставая требовать с остальной территории положенные налоги. Теперь уже опричники со всей мыслимой жестокостью взыскивают как действительные, так и мнимые недоимки. К началу 1570-х гг. стало очевидно, что и эти меры не помогают собрать налоги в прежнем объеме.

Тогда повсеместно рассылаются указы о необходимости выяснить действительное положение дел.

В результате начатого всеобщего сыска в Корельском уезде обнаружилось чрезвычайное, чудовищное по масштабам запустение. Сравнение сведений из описания 1500 г. с материалами обыска Федора Калитина 1571 г. показало, что в Кирьяжском погосте оказалось «впусте» почти 94 % пашенных угодий, в Сердовольском — более 94 %, в Иломанском и Салминском — около 96 %³¹. Среди причин происшедшего упадка хозяйств, указанных жителями Кирьяжского погоста, помимо нередких несчастных случаев типа: «[хозяина] громом убило, детишка с голоду примерли, дворишко распалось», или «утонул на ловле в Ладожском озере», или «двор згорел», находим следующие объяснения: «немцы^{7*} убили, хоромишка сожгли, дети сошли безвестно», «бежал безвестно от царевых податей, двор сожгли опришные», «одолжав от государевых податей, сам умер, дети по дворам волочатца». Обращает на себя внимание то обстоятельство, что военные набеги из-за близкого рубежа, неизменно несшие гибель хозяйствам местного населения, обреченным на разорение от нашествия множества вооруженных людей, и государственные налоги, которые следовало платить в казну, крестьяне, называя причины происшедшего запустения, считают явлениями одного порядка. Более того, объяснения типа «збежал безвестно от царевых податей»

лицо с судебной-административной властью, назначавшееся князем, наместником или волостелем. **Доводчик** — должностное лицо, через которое наместник или волостель осуществляли управление на местах.

* **Тяглец** — тяглый человек, тот, кто платит подати и выполняет повинности в пользу феодала, будь то частное лицо, церковь или государство.

** **Гривна** — денежная единица, равная в XVI веке 20 или 14 деньгам, в зависимости от того, какая гривна имела в виду — московская или новгородская.

*** **Полть** — половина мясной туши, разрубленной вдоль.

4* **Пяток** — единица счета выделанного льна или конопли — связка, содержащая пятьдесят горстей.

5* **Посул** — обещанная плата за что-либо; обещанное вознаграждение; взятка или побор.

6* **Правеж** — в России XVI—XVII веков взыскивание денег, налогов, долгов; поборы, сопровождавшиеся насилием над несостоятельными должниками.

7* Немцами на Руси традиционно именовали иноземных врагов, приходивших с запада. В данном случае речь идет о шведах.

численно явно преобладают (рис. 1.7, III)³². И это неудивительно, если принять в расчет масштабы увеличения налогового бремени. Как выяснил Ю. Г. Алексеев, в Салминском погосте только оброчные платежи в государеву казну за 68 лет (с 1500 до 1568 г.) возросли шестикратно: с 13.7 до 75 денег³³.

Кажется необходимым подчеркнуть, что отток населения из Корельского уезда, традиционно объясняемый в отечественной историографии разорительными вторжениями шведов, имевшими место в последней трети XVI века³⁴, начался, по нашим наблюдениям, гораздо ранее. Как показывает анализ известных нам источников, уже к середине столетия первые группы автохтонного карельского населения покинули освоенные поколениями предков земли и родные деревни в Приладожье, принужденные к этому, по-видимому, ужесточением преследований за приверженность язычеству (рис. 1.7, I). Неотложность и чрезвычайная жесткость новой церковной политики, недвусмысленно изложенной в грамотах новгородских архиепископов Макария (1534 г.) и Феодосия (1548 г.) и ставившей целью неумолимое искоренение «кумирской прелести» — традиционных, языческих в своей основе верований и обрядов, — вполне объяснима: на Руси осознали неостановимый характер европейской Реформации и полагали весьма опасными для православия происходившие в католической Европе перемены. Чуть позднее — в конце 1550-х и в начале 1560-х гг. карелы будут уходить из Приладожья из-за ставших в значительной мере бесконтрольными после реформы местного самоуправления налоговых сборов, а еще позднее — во второй половине 1560-х и в начале 1570-х гг. они побегут от опричников Ивана Грозного, разорявших их хозяйства в стремлении любой ценой получить ожидаемые царской казной подати. Одним из наиболее вероятных мест, куда устремлялись в поисках «земли обетованной» карельские переселенцы в те времена, была северо-восточная окраина Иломанского погоста, примыкавшая к Беломорской Карелии, еще в значительной мере незаселенная³⁵.

Во всяком случае, именно тогда возникли устойчивые поселения в окрестностях Ребол. Упоминания о них находим в материалах обыска Федора Калитина, который в 1571 г., идя от деревни к деревне и сравнивая тяжелейшую хозяйственную ситуацию в погостах на Карельском перешейке и в Задней Кореле с зафиксированной здесь же ранее — описаниями первой половины столетия, — назвал Ребольскую слободу в числе прочих населенных мест Иломанского погоста. Это едва ли не единственное место во всем Корельском уезде, где население полностью сохранило платежеспособность³⁶. Согласно ремарке составителя документа, Реболы, как починок, то есть созданное вновь поселение, были зафиксированы уже в описании Ависа Лопухина. Оно не сохранилось до наших дней, но, как удалось установить, датируется 1558/59 г. Тогда же появились — «сели жить крестьяне на черном лесу» — и Либелицкая слободка (Liperi), и Ровкоозеро (Ровколы).

К концу XVI века Реболы с округой уже заметно выделяются на общем фоне упадка и разрухи, постигших Корельский уезд. По приблизительной, скорее всего заниженной, оценке сборщиков налогов, которым, как полагает В. Салохеймо, в эту часть Иломанского погоста попасть не удалось из-за сопротивления местных крестьян, не желавших признать власть шведского короля³⁷, здесь в 1590 г. стояло 140 дворов³⁸. Это не просто много по тем временам, когда преобладавшим количеством совместно плативших подати хозяйств было в редчайших случаях более двух десятков. Так, в древнейшем Иломантси тот же документ числит 15 дворохозяйств, в Тохмаярви — 28, в Лиексе — самом крупном населенном пункте округы — 35. Сопоставив эти сведения, можно не сомневаться, что во второй половине XVI столетия в окрестности озера Лексозера буквально устремился поток переселенцев из Приладожья.

В числе этих первых, как бы предвосхитивших трагические судьбы народа, которому предстоит пережить растянувшиеся на многие десятилетия поиски новой отчизны, были и родовитые карельские семьи, потомки местной средневековой знати — своеземцы, и все еще не попавшие в частнофеодальную зависимость крестьяне-аллодисты — чернокунцы. Их древнее традиционное землевладение к началу XVI века почти исчезло уже повсюду, кроме Приладожья, да и здесь чрезвычайно раздроблено в результате многократных семейных разделов. В условиях ужесточения налогового гнета, теснимые активным процессом раздачи земель в поместья служилым людям, а чуть позднее — гонимые опричным террором, карелы двинулись на север, в места, куда новгородская колонизация почти не успела проникнуть и где они вполне могли еще рассчитывать обеспечить себе какие-то особые права.

То обстоятельство, что мы обнаруживаем именно «слободы» (Ребольскую и Либелицкую) уже само по себе весьма информативно.

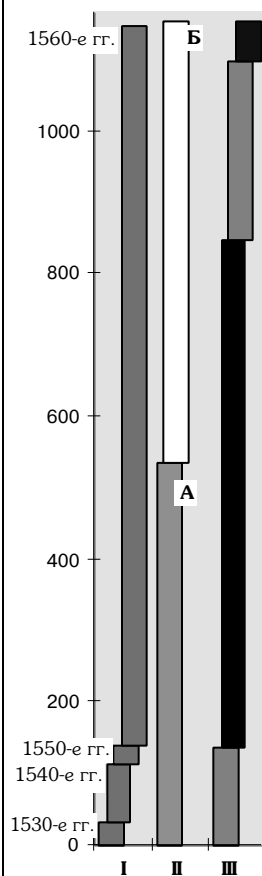

Рис. 1.7.
Запустение в Кирьяжском погосте в 1530—1560 гг.
I — динамика запустения по годам;
II — соотношение сохранившихся (А) и полностью разрушенных (Б) дворов среди запустевших;
III — соотношение причин запустения дворов:
■ «опричные замучили»
■ «хозяйин сшел безвестно от немерного тягла»
■ «хозяйин умер, дети сошли безвестно от царевых податей»
■ «немцы побили» или «в полон свели»
(источник: Приложение, № 5)

Обычно так в России назывались ремесленно-торговые окраины городов. Возможно, использование этого термина в отношении крестьянских поселений каким-то образом связано с традиционной приверженностью карелов занятиям торговлей. Несомненно однако, что жители этой части Корельского уезда имели в последней трети XVI столетия особый статус: на древнерусском языке «слобода» — не что иное, как «поселение свободных земледельцев»³⁹. В контексте этих размышлений особенное значение приобретает предположение Х. Киркинена о том, что самый известный из древних карельских родов — Рокульские (Roukkulan suku) — дал название расположенной в окрестностях Ребол деревне Повколы (Roukkulan kyala)⁴⁰.

Волею исторических судеб Западная Карелия в конце XVI — начале XVII века оказалась вовлечена в большую политику, когда граница между Россией и Швецией, многократно определяемая то по факту военного захвата, то по условиям Плюсского перемирия (1583 г.), Тязвинского мира (1595 г.), Столбовского мира (1617 г.), проходила по судьбам крестьянских семей. В итоге значительная часть Иломанского погоста вместе с территорией Корельского уезда более чем на столетие отошла к Швеции. Реболы с округой остались в составе России.

Статус этой территории еще долго оставался не вполне определенным. Во всяком случае, когда в 1628 г. в Лендеры попытались проникнуть посланные из Новгорода чиновники для внесения в особые списки перешедших из-за близкой границы крестьян, все жители встали на их защиту и, вооружившись, отстаивали свое право платить подати и испрашивать (пользуясь современным языком) «вид на жительство» у властей Соловецкого монастыря в лице облеченного специальными полномочиями данщика Рудачки Фонкова из Сумской волости⁴¹. Не были включены Реболы с округой и в массовое описание земель середины XVII века. Только спустя столетие после переселения, в последней трети XVII века, обитатели этой приграничной территории предстают полноценными тяглецами в глазах государства: они впервые поименно перечислены в переписной книге 1678/79 г., составленной в территориальных рамках Кольского уезда.

Свидетельства источников позволяют утверждать, что миграция населения из Приладожья, начавшаяся, по-видимому, в связи с ужесточением борьбы церкви против язычества в 1530—1540-е гг., усилилась сразу после реформы местного самоуправления 1556 г. и приняла характер массового бегства после разорения опричниками Ивана Грозного, с 1566 по 1570 г. Двигаясь в северо-восточном направлении, карелы постепенно расселялись все далее и далее на север, в район системы озер Куйто и — еще позднее — достигли берегов Кумсозера. Другой поток покинувших отчий край карелов, хорошо известных в историографии под именем «корельских выходцев», примет массовый характер позднее, после перехода уезда под власть Швеции, и будет сориентирован на Олонек и далее к югу — в центральные районы России, где формируется новая компактная территория их проживания, известная ныне как Тверская Карелия.

- 1 Временник Императорского Московского Общества истории и древностей Российских. Т. XII: Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 7008 года / Подгот. к печ. и ред. И. Д. Беляева. М., 1852. С. 1—188 (далее — ВОИДР).
- 2 Писцовая книга Обонежской пятины 1496 г. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / Подгот. к печ. А. М. Андрияшев; Под ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. С. 1—56 (далее — ПКОП).
- 3 Кочуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990; Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978; Шаскольский И. П. 1) Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978; 2) Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987.
- 4 Мюллер Р. Б. 1) Заонежские погосты Обонежской пятины // Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971. С. 251—278 (далее — АИСЗР, I); 2) Обонежская пятина: Заонежские погосты // Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины. Л., 1974. С. 141—260 (далее — АИСЗР, II).
- 5 Алексеев Ю. Г. 1) Водская пятина // АИСЗР, I. С. 184—226; 2) Водская пятина // АИСЗР, II. С. 141—183.
- 6 Писцовая книга Водской пятины 1539 г. // История Карелии XVI—XVII вв. в документах: Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta / Подгот. к печ. И. А. Чернякова, Г. М. Коваленко, В. Салохеймо; Под ред. А. И. Копанева, А. Г. Манькова. Т. I. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 19—51 (далее — ИК, I); Писцовая книга Водской пятины 1568 г. // Там же. С. 52—178; Käkisalmen läänin verokirja 1590 // Там же. С. 265—274; Autioluettelo kirkoista kappeleista, Käkisalmen läänin luostareista, myllyistä vuodelta 1590 // Там же. С. 175—282; Обыскная книга Кирьяжского погоста Водской пятины 1571 г. // Самоквасов Д. Я. Архивный материал: Новооткрытые документы поместновотчинных учреждений Московского царства. Т. II. М., 1909. С. 59—125.
- 7 Историографический обзор см.: Жербин А. С., Шаскольский И. П. Особенности развития феодализма в Карелии (XI—XVI века) // История СССР. 1982. № 4. С. 132—141.
- 8 Kirkinen H., Nevalainen P., Sihvo H. Karjalan kansan historia. Porvoo; Helsinki; Juva, 1994. S. 131—145. Библиогр.: С. 585—588. См. также: Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа / Пер. Л. В. Суни; Под ред. И. А. Черняковой. Петрозаводск, 1998. С. 103—114.
- 9 Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев, Г. Е. Кочин, Р. Б. Мюллер, Е. А. Рыдзевская; Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. № 90 (далее — ГВНП).
- 10 Чернякова И. А. Древняя история села Суйсарь // Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск, 1997. С. 31—32.
- 11 Полное собрание русских летописей. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1963. С. 285.
- 12 Там же. С. 322, 323; Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 219.
- 13 ВОИДР. С. 37, 87.

- 14 ВОИДР. С. 9, 41, 90.
- 15 Янин В. Л. 1) Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981. С. 128—131; 2) Новгородские акты XII—XV вв... С. 196, 258, 264.
- 16 Корецкий В. И. Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв. // Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969. С. 288—290. Прил. 2.
- 17 Полное собрание русских летописей. Т. 6: Софийские летописи. СПб., 1856. С. 236.
- 18 АИСЗР, I. С. 253—254 (табл. 148).
- 19 Согласно подсчетам А. М. Линевского — около 5 % из 2410 обож в четырех погостах Задней Корелы. См.: *Линевский А. М.* Общественно-экономический строй Карелии в XIV—XV веках // *История Карелии с древнейших времен до середины XVIII века: Макет. Петрозаводск, 1952.* С. 108.
- 20 *Алексеев Ю. Г.* Водская пятина // АИСЗР, I. С. 187.
- 21 Там же. С. 186. Табл. 98.
- 22 АИСЗР, II. С. 156.
- 23 Оpubл.: *Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI в.: Акты Соловецкого монастыря 1572—1584 гг.* / Сост. И. З. Либерзон; Под ред. А. И. Копанева, Р. Б. Мюллер, Н. Е. Носова. Л., 1990. С. 138.
- 24 ВОИДР. С. 33, 68, 73, 114, 117, 140, 142, 169, 179.
- 25 *Tsemjakova I.* Valamon luostarin maanomistusta 1400-luvun lopusta 1700-luvun alkuun // *Te menitte asumaan merensaaren... / Tutkimuksia Valamon luostarista. Heinävesi, 1994.* S. 61—75.
- 26 *Алексеев Ю. Г.* Водская пятина // АИСЗР, I. С. 187.
- 27 ВОИДР. С. 101.
- 28 Там же. С. 39.
- 29 *Самюквасов Д. Я.* Архивный материал... С. 31.
- 30 *Российское законодательство X—XX веков. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства.* М., 1985. С. 228.
- 31 *Самюквасов Д. Я.* Архивный материал... С. 35—37.
- 32 ВОИДР. С. 59—125.
- 33 *Алексеев Ю. Г.* Водская пятина // АИСЗР, II. С. 170.
- 34 *Шаскольский И. П.* Борьба против шведской интервенции в Карелии в начале XVII века // *История Карелии с древнейших времен до середины XVIII века...* С. 178; *Жербин А. С.* Карелия в период крестьянской войны и борьбы русского народа против польско-шведской интервенции в начале XVII в. // *Очерки истории Карелии. Т. 1.* Петрозаводск, 1957. С. 107.
- 35 *Чернякова И. А.* О чем не рассказал Элиас Лённрот...: К истории края, где оказались сохранены и записаны эпические песни древнего народа. Петрозаводск, 1998. С. 26—33.
- 36 *Самюквасов Д. Я.* Архивный материал... С. 381.
- 37 ИК, I. С. 263.
- 38 Там же. С. 282.
- 39 *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1987. С. 672.
- 40 *Kirkinen H., Nevalainen P., Sihvo H.* Karjalan Kansan Historia. S. 79.
- 41 Карелия в XVII веке: Сборник документов / Сост. Р. Б. Мюллер; Под ред. А. И. Андреева. Петрозаводск, 1948. С. 35 (далее — Карелия в XVII веке).